

Исследование факторов экономического насилия в Кыргызстане среди женщин, употребляющих наркотики

Авторский коллектив: Тина Дживатрам-Негрон (Школа социальной работы Университета Мичигана, США), Тимоти Хант (Школа социальной работы Колумбийского Университета, США), Данил Никитин (Фонд GLORI, Кыргызстан), Ольга Рычкова (Фонд «Открытое общество», США), Ирена Ермолаева (Фонд «Астерия», Кыргызстан), Надежда Шаронова (Фонд «Подруга», Кыргызстан), Айбек Мукамбетов (Фонд Сорос-Кыргызстан), Луиза Гилберт (Школа социальной работы Колумбийского Университета, США).

CONTACT Tina Jiwatram-Negrón ✉ jiwatram@umich.edu 📠 School of Social Work – Curtis Center, 1080 S. University Avenue, #B646, Ann Arbor, MI 48108, USA.
Color versions of one or more of the figures in the article can be found online at www.tandfonline.com/ijisu.
© 2018 Taylor & Francis Group, LLC

ТЕЗИС

Общая информация: несмотря на многочисленные свидетельства о гендерно-обусловленном насилии в отношении женщин, употребляющих наркотики, остаются неисследованными многие аспекты финансового и экономического насилия.

Цели: мы изучили вопросы распространённости экономического насилия в отношении 55 женщин в Кыргызстане, употребляющих наркотики, со стороны их половых партнёров и людей, не являющихся их партнёрами, и проследили взаимосвязь между экономическим насилием, социо-демографическими характеристиками и другими видами пережитого ими гендерного насилия.

Методика: при работе с основными вопросами исследования мы использовали описательный, двумерный и корреляционный анализы.

Результаты: 89% участниц пережили как минимум один случай экономического насилия на протяжении жизни со стороны своих половых партнёров и людей, не являющихся их партнёрами. Углубленный анализ показал, что 74.5% участниц пережили как минимум один случай экономической эксплуатации, экономические аспекты жизни 85.5% участниц подвергались контролю, и 63.6% участниц испытали случаи саботажа при попытках трудоустроиться или найти работу. Двумерный анализ выявил устойчивую взаимосвязь между экономическим насилием и такими характеристиками, как возраст участниц, национальность, семейное положение и опыт употребления инъекционных наркотиков. Психологическое насилие со стороны их партнёров имело взаимосвязь с контролем над экономическими аспектами жизни, в то время как психологическое и физическое насилие со стороны не-партнёров ассоциировалось с экономической эксплуатацией и саботированием при поиске работы.

Выводы: полученная информация подчёркивает важность дальнейшего изучения вопросов экономического насилия и включения их в проводимые исследования, а также говорит о необходимости разработки стратегии укрепления экономического потенциала женщин, употребляющих наркотики.

Вступление

Во всём мире 35% женщин подвергаются различным видам физического, сексуального или психологического гендерно-обусловленного насилия, причём это понятие включает в себя насилие как со стороны половых партнёров, так и тех людей, которые партнёрами не являются (источник: Garcia-Moreno, Jansen, Ellsberg, Heise, & Watts, 2006; García-Moreno et al., 2013). Среди женщин, употребляющих наркотики, риск гендерного насилия гораздо выше (Cafferky, Mendez, Anderson, & Stith, 2016; Devries et al., 2014). Женщина, употребляющие алкоголь и наркотики, в большей степени подвержены риску гендерного

насилия из-за многочисленных факторов, связанных с их зависимостью и усиливающих их уязвимость. Партнёрам нужны деньги и наркотики, половые и межличностные связи ослабляются, при этом наблюдается стигма и дискриминация, связанная с употреблением наркотиков (El-Bassel, Gilbert, Witte, Wu, & Chang, 2011).

Пережитое гендерное насилие имеет долгосрочное влияние на физическое и психическое состояние жертв, механизмы выживания и поведенческие навыки, экономические характеристики и уровень социализации женщин, а также на то, сколько средств они вынуждены тратить на медицинские услуги (Campbell, 2002; Center for Disease Control, 2014; Dunkle & Decker, 2013; García-Moreno, 2013; García-Moreno et al., 2006). Женщины, употребляющие наркотики, более предрасположены к возможным негативным последствиям насилия (Gilbert et al., 2015; Illangasekare, Burke, Chander, & Gielen, 2013; Illangasekare, Burke, McDonnell, & Gielen, 2013; Meyer, Springer, & Altice, 2011). Несмотря на многочисленные свидетельства негативного влияния гендерного насилия, его экономические и финансовые аспекты остаются мало изученными, при этом являясь уникальными и заслуживающими особого внимания. Экономическое насилие определяется как фактор внешнего влияния, обычно предпринимаемый половым партнёром и ограничивающий способность людей пользоваться экономическими ресурсами, что снижает их самодостаточность и негативно отражается на их безопасности (Adams, Sullivan, Bybee, & Greeson, 2008; Feingold, Kerr, & Capaldi, 2008).

В научной литературе, исследующей вопросы экономического насилия, определены три его типа: экономический контроль, экономическая эксплуатация и саботирование процесса трудоустройства (Adams et al., 2008; Postmus, Plummer, McMahon, Murshid, & Kim, 2012). Эти типы насилия включают в себя такие действия, как регулярные требования предъявлять квитанции, связанные с произведёнными платежами и покупками, создание долговых ситуаций, связанных с партнёрами, и создание сложностей и препятствий, когда партнёрша ищет работу или уже работает (Adams et al., 2008). Недавние исследования показывают, что экономическое насилие не существует само по себе, а взаимосвязано с другими формами насилия, при этом оказывая негативное влияние на здоровье и благополучие женщин (Antai, Antai, & Anthony, 2014; Antai, Oke, Braithwaite, & Lopez, 2014; Fawole, 2008; Postmus, Huang, & Mathisen-Stylianou, 2012; Stylianou, Postmus, & McMahon, 2013).

Исследования, проведённые в Великобритании, Австралии и на Филиппинах, показывают, что от 7 до 16% женщин из общего населения испытывают экономическое насилие со стороны половых партнёров. (Antai, Antai, et al., 2014; Antai, Oke, et al., 2014; Kutin, Russell, & Reid, 2017; Office of National Statistics, 2016). Опрос, проведённый среди жертв домашнего насилия в США, которые пользовались услугами шелтеров, показал, что не менее 90% женщин, подвергшихся домашнему насилию, пережили и экономическое насилие со стороны своих партнёров (Adams et al., 2008; Postmus, Plummer, et al., 2012). Исследования показали, что экономическое насилие чаще всего связано с физической и эмоционально-психологической формами домашнего насилия (Antai et al., 2014; Kutin et al., 2017; Postmus, Plummer, et al., 2012; Stylianou et al., 2013) и что чем ниже уровень образования у женщин, тем выше у них риск такого насилия. Не прослеживалось связи между экономическим насилием и другими демографическими характеристиками, такими, как возраст, работа, национальность и уровень дохода (Antai et al., 2014; Kutin et al., 2017; Postmus, Huang, et al., 2012). Ещё выяснилось, что экономическое насилие взаимосвязано с проблемами психики, психологическим стрессом, депрессией, детьми, и уровнем дохода (Antai et al., 2014, 2014; Fawole, 2008; Postmus et al., 2012; Sanders, 2015; Voth Schrag, 2015).

Хотя существующие исследования показывают высокую распространённость физического, сексуального и психологического насилия среди женщин, употребляющих наркотики, число исследований именно экономического насилия среди этой группы по всему миру очень незначительно. Опросы показывают, что у наркозависимых женщин чаще, чем у кого-либо ещё, половые партнёры тратят деньги из общего бюджета на наркотики и алкоголь, этих женщин чаще других принуждают к занятиям сексом за деньги или наркотики, и что эти женщины чаще других подвергаются контролю со стороны партнёров, что лишает их доступа к необходимым ресурсам (El-Bassel et al., 2011). Литературный обзор также показал, что наркозависимые женщины могут подвергаться экономической и сексуальной эксплуатации со стороны сотрудников правоохранительных органов, наркобарыг и сутенёров, которые используют женщин в качестве источников дохода или в сексуальных целях (Cottler, O'Leary, Nickel, Reingle, & Isom, 2014; Gilbert et al., 2015). Все эти данные, собранные вместе, показывают, что распространённость экономического насилия среди наркозависимых женщин высока как со стороны половых партнёров, так и со стороны тех, кто их партнёрами не является.

Восполняя этот пробел, наша статья описывает распространённость и формы экономического насилия со стороны партнёров и не-партнёров в выборке 55 женщин-ЛУИН в Кыргызстане, которые участвовали в пилотировании экспресс-вмешательства «Крылья надежды». Эта статья также отслеживает взаимосвязь между экономическим насилием и социо-демографическими характеристиками участниц, и также фактами физического, сексуального и психологического гендерно-обусловленного насилия. За последние годы

страны Центральной Азии переживают сложный период, связанный с гендерным насилием, эпидемией ВИЧ и потреблением инъекционных наркотиков. (European Centre for Disease Prevention and Control, & World Health Organization, 2014; Jolley et al., 2012; Mathers et al., 2008). Отдельные немногочисленные отчёты свидетельствуют, что не менее 17% женщин в Кыргызстане в возрасте от 15 до 49 лет стали жертвами физического или сексуального насилия со стороны половых партнёров «за последний год» (UNAIDS, 2016). Учитывая эти факторы, мы надеемся, что наша статья, описывающая особенности экономического насилия в отношении женщин-ЛУИН со стороны их партнёров и других лиц, а также показывающая взаимосвязь между экономическим насилием и другими формами гендерного насилия, поможет с разработкой программ и политик, направленных на улучшение качества жизни женщин, употребляющих наркотики и алкоголь.

Методология

Участницы и процедуры: В этой статье использованы данные, собранные во время базового анкетирования в рамках проекта «Крылья надежды». Целью проекта было пропилотировать с 55 женщинами-ЛУИН занятия по профилактике гендерного насилия, основанные на СКЭВП-комплексе, включающем в себя элементы скрининга, экспресс-вмешательства и перенаправления для получения услуг. Данные именно для этой статьи были собраны в период между 2015 и 2016 годами, т.е. во время второго года работы проекта, который в этот период проводился совместно с двумя НПО в Кыргызстане, Фондом «Астерия» и Фондом «Подруга», работающими на принципах снижения вреда. Дизайн исследования и анкеты прошли утверждение Этического комитета при Колумбийском Университете и Этического комитета Фонда GLORI в Кыргызстане.

Нами была создана рабочая группа по реализации проекта, в которую вошли сотрудники общинных и ЛУИН-сервисных НПО, представители милиции и МВД, медицинские работники, представители UNODC, CDC и UNAIDS, и также сотрудники организаций, работающих в области профилактики гендерного насилия. Члены рабочей группы и сотрудники партнёрских организаций давали свою оценку всем предлагаемым анкетам и принимали активное участие в адаптации как анкет, так и занятий вмешательства. Перевод анкет и всех материалов проекта на русский язык был осуществлён профессиональными переводчиками, после чего качество перевода было подтверждено специалистами, владеющими как русским, так и английским языками.

Женщины-ЛУИН приглашались для прохождения скрининга аутрич-работниками партнёрских организаций, которые распространяли информационные материалы о проекте в обычных для этого местах. С заинтересованными женщинами ещё до проведения скрининга заключалось информированное согласие. Женщины могли принять участие в проекте, если они были не младше 18 лет, если подтверждали употребление наркотиков или чрезмерное употребление алкоголя в период «за последние 90 дней», или если проходили лечение от алко- или наркозависимости в период «за последние шесть месяцев», и если могли свободно общаться на русском. Анкетирование проводилось с помощью запрограммированной электронной анкеты, благодаря чему даже женщины с базовыми компьютерными навыками могли пройти его. Вопросы анкеты соответствовали различным индикаторам, включая социо-демографические характеристики и обстоятельства, связанные с пережитыми эпизодами насилия.

Структура анкеты: Социо-демографические параметры анкеты включали в себя возраст участниц, национальность, семейное положение, уровень образования, информацию о работе, наличие детей, наличие жилья и историю употребления наркотиков. Употребление психоактивных веществ исследовалось несколькими путями: употребление любых запрещённых наркотиков за последние 90 дней, употребление инъекционных наркотиков за последние 90 дней, и факты алкогольного запоя. Алкогольный запой исследовался с помощью блока вопросов AUDIT-C (Bush, Kivlahan, McDonell, Fihn, & Bradley, 1998), состоящего из трёх пунктов, каждый из которых оценивается от нуля до 4 баллов, что даёт возможность получить результат от нуля до 12 баллов. Если при подсчёте дихотомных переменных результат равнялся или превышал 3 балла, это говорило о предрасположенности к алкогольным запоям.

Уровень экономического насилия со стороны партнёров на протяжении всей жизни измерялся с помощью упрощённых версий Scale of Economic Abuse (SEA), состоящей из 12 пунктов (Adams et al., 2008) и SEA-12 (Postmus, Plummer, et al., 2012; Postmus, Plummer, & Stylianou, 2016). Уровень внутренней согласованности вопросов в SEA-12 равняется .89 (Postmus et al., 2016). Alpha-показатель, относящийся к экономическому насилию со стороны партнёров конкретно в нашем исследовании равнялся .93. При составлении вопросов для оценивания уровня экономического насилия со стороны не-партнёров было изменено только вводное предложение в преамбуле вопроса таким образом, чтобы направить респондентов на ответ с учётом не половых партнёров, а тех, кто не являлся их партнёрами (список примеров возможных источников насилия включал в себя военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, незнакомых респондентам людей, платных клиентов и др. варианты). Расчётный alpha-показатель равнялся .95. Все вопросы были закодированы в виде дихотомных

переменных с вариантами ответов да/нет, и анализировались методами описательной статистики по отдельности и всем блоком. После этого все вопросы были разбиты по трём категориям (Postmus et al. (2012, (2016)) для того, чтобы исследовать распространённость экономического контроля, экономической эксплуатации и саботирования трудоустройства, а также узнать общий уровень экономического насилия со стороны партнёров и не-партнёров.

Перевод и адаптация вопросов осуществлялись в тесном контакте и при непосредственном участии членов рабочей группы проекта.

Уровень гендерного насилия измерялся с помощью Revised Conflict Tactics Scale (CTS-2) (Straus, Hamby, Boney-McCoy, & Sugarman, 1996). Как предлагается в оригинальной версии CTS-2, участницам задавались вопросы, чтобы выяснить, сталкивались ли они с эпизодами вербального / психологического, физического и сексуального насилия со стороны половых партнёров, бывших или нынешних. Коэффициент внутренней согласованности вопросов в CTS-2 варьировался от 0.75 до 0.95 (Straus et al., 1996). В этой статье показатель вербального насилия рассматривается отдельно от психологического, которое, в свою очередь, оценивалось посредством адаптированных вопросов, выясняющих, сталкивалась ли женщина с ситуациями, когда ей на глаза надевали повязку, не давали видиться с семьёй или друзьями, или же вынуждали принимать пищу отдельно от остальных членов семьи, в изоляции. Эти вопросы были заимствованы из материалов первого года работы проекта (Gilbert et al., 2017). Если участницы давали положительный ответ хотя бы на один вопрос о насилии, то во время анализа они относились к категории тех, кто пережил насилие в течение предыдущих лет жизни.

Уровень гендерного насилия измерялся с помощью тех же самых вопросов, в которых в преамбуле были изменены инструкции, предлагающие участницам давать ответы, относящиеся не к их половым партнёрам, а к другим людям (список примеров возможных источников насилия включал в себя военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, незнакомых респондентам людей, платных клиентов и др. варианты). Этот блок вопросов кодировался по тем же принципам, что и вопросы касательно насилия со стороны половых партнёров.

Анализ данных: Для описания ключевых характеристик участниц и уровня их виктимизации были использованы методы описательной статистики, после чего эта же методика была применена для подсчёта уровня пережитого ими экономического насилия со стороны как партнёров, так и не-партнёров. Взаимосвязь между экономическим насилием и социо-демографическими переменными исследовалась с помощью χ^2 -square и t-tests, а дальнейшая корреляция позволила выяснить взаимозависимость между экономическим насилием и гендерным насилием. Мы не смогли осуществить регрессивный анализ и высчитать ковариативные сдвиги из-за малого числа участниц. Анализ проводился с помощью программы STATA SE 14.

Результаты

Распространённость экономического насилия и социо-демографические характеристики

В таблице 1 представлены данные по распространённости экономического насилия со стороны партнёров, не-партнёров и вообще кого-либо и показана взаимозависимость между ними и социо-демографическими характеристиками участниц. Из общего числа ($N = 55$), 85% ($n = 47$), и 65% ($n = 36$) пережили как минимум один эпизод экономического насилия за предыдущие годы со стороны половых партнёров и не-партнёров (см. Таблицу 1). В итоге выходит, что 89% ($n = 49$) пережили как минимум один эпизод экономического насилия со стороны партнёров и тех, кто партнёрами не является (что классифицируется как гендерно-обусловленное экономическое насилие). Средний возраст участниц составлял 37.3 ($SD = 10$), большинство идентифицировали себя как русские ($n = 30$, 54.6%). Приблизительно 36% участниц ($n = 20$) отметили, что состоят в браке, и у 75.6% ($n = 41$) есть дети. Никто из участниц не отметил факт трудоустройства, около 5% ($n = 3$) отметили, что недавно не имели жилья, и 69% ($n = 38$) отметили, что имеют среднее (или ниже) образование. Из общего числа участниц, 47% ($n = 26$) отметили, что недавно употребляли запрещённые наркотики, 15% ($n = 8$) отметили употребление инъекционных наркотиков, а 87% ($n = 48$) отметили наличие недавних алкогольных запоев. Анализ характеристик с использованием χ^2 -square и t-test выявил существенную зависимость между экономическим насилием со стороны половых партнёров и возрастом, национальностью, и семейным положением (см. Таблицу 1). Оказалось, что женщины, подтверждающие факт экономического насилия, находятся в более старшем возрасте, являются преимущественно русскими или кыргызками, и имеют детей. Кроме того, использование χ^2 -square выявило прямую зависимость между употреблением инъекционных наркотиков и экономическим насилием со стороны не-партнёров (см. Таблицу 1).

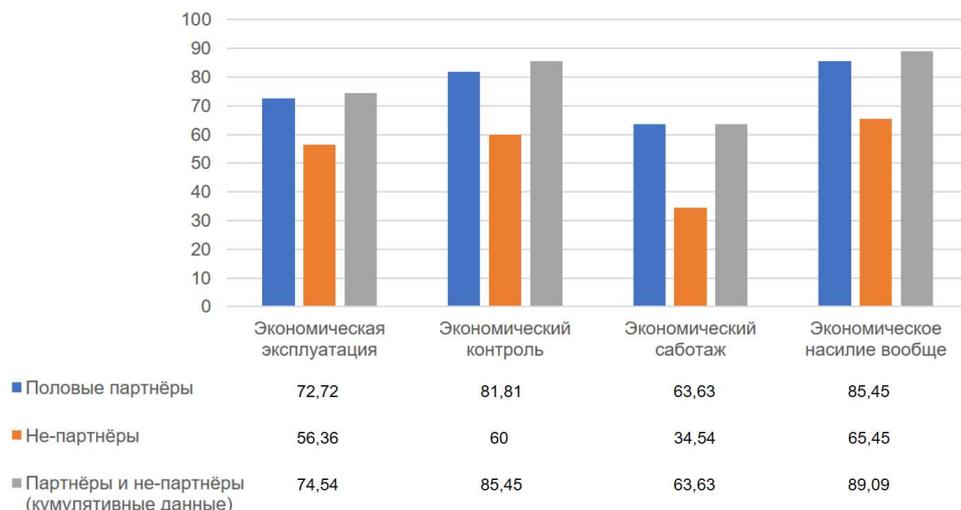
Таблица 1. Социо-демографические характеристики женщин-ЛУИН в Кыргызстане с разбивкой по видам насилия (n=55, данные базового анкетирования)

Характеристики участниц	Всего (n = 55) # (%) или mean, SD	Отмечали факт(ы) экономического насилия со стороны половых партнёров		Отмечали факт(ы) экономического насилия со стороны не-партнёров / кого-то другого		Отмечали факт(ы) экономического насилия вообще (кумулятивные данные)	
		Да (n = 47)	Нет (n = 8)	Да (n = 36)	Нет (n = 19)	Да (n = 49)	Нет (n = 6)
Возраст (mean, SD)	37.31, 10.00	38.74, 9.44	28.88, 9.61**	36.53, 11.82	36.53, 11.82	38.33, 9.59	29, 10.33*
Национальность							
Русские	30 (54.55%)	27 (57.45%)	3 (37.5%)*	22 (61.11%)	8 (42.11%)	27 (55.10%)	3 (50%)
Кыргызки	10 (18.18%)	10 (21.28%)	0 (0%)*	4 (11.11%)	6 (31.58%)	10 (20.41%)	0 (0%)
Другой вариант	15 (27.27%)	10 (21.28%)	5 (62.5%)*	10 (27.78%)	5 (26.32%)	12 (24.49%)	3 (50%)
Семейное положение (в наст. время замужем / сост. в гражд. браке)	20 (36.36%)	18 (38.3%)	2 (25%)	14 (38.89%)	6 (31.58%)	19 (38.78%)	1 (16.67%)
Образование (среднее или ниже)	38 (69.09%)	32 (68.09%)	6 (75%)	27 (75.05%)	11 (57.89%)	34 (69.39%)	4 (66.67%)
Нет работы за последние 90 дней	100 (0%)	47 (100%)	8 (100%)	36 (100%)	19 (100%)	49 (100%)	6 (100%)
% женщин с детьми	41 (74.55%)	38 (80.85%)	3 (37.5%)**	28 (77.78%)	13 (68.42%)	38 (77.55%)	3 (50%)
Есть где переночевать за последние 90 дней	52 (94.55%)	44 (93.62%)	8 (100%)	34 (94.44%)	18 (94.74%)	46 (93.88%)	6 (100%)
Употребл. психоактивных веществ							
Любой запр. наркотик за посл. 90 дней	26 (47.27%)	20 (42.55%)	6 (75%)+	20 (55.56%)	6 (31.58%)+	21 (42.86%)	5 (83.33%)+
Любой инъекц. наркотик за посл. 90 дней (n = 52)*	8 (15.38%)	8 (18.18%)	0 (0%)	8 (23.53%)*	0 (0%)	8 (17.39%)	0 (0%)
Алкогольные запои за посл. 90 дней	48 (87.27%)	40 (85.11%)	8 (100%)	30 (83.33%)	18 (94.74%)	42 (85.71%)	6 (100%)

Кол-во указывается в случае, когда данные отсутствуют из-за того, что респонденты предпочли не отвечать на данный вопрос анкеты. Анализ проведён с использованием chi-square и t-tests; +p < .1; *p < .05; **p < .01.

Виды экономического насилия: Как уже отмечалось выше, из общего числа участниц 85% испытывали экономическое насилие когда-либо со стороны половых партнёров, а 65% со стороны кого-то другого (см. Диаграмму 1). Всего 89% (n = 49) пережили как минимум один эпизод экономического насилия со стороны половых партнёров или не-партнёров (т.е. гендерно-обусловленное экономическое насилие) (см. Диаграмму 1). Анализ внутри обозначенных категорий показал, что 74.5% женщин пережили как минимум один инцидент экономической эксплуатации (например, взятый под их имя долг), 85.5% пережили факт экономического контроля (например, требования предъявлять квитанции, чеки, и отдавать всю сдачу), а 63.6% испытали на себе экономический саботаж (это, например, когда угрозами заставляют бросить работу) (см. Диаграмму 1).

Диаграмма 1. Распространённость экономического насилия, с разбивкой по категориям и в общем, среди женщин-ЛУИН в Кыргызстане (n=55)

Среди отмеченных участницами видов экономического насилия самым частым является то, что партнёры и не-партнёры скрывают от них экономическую и финансовую ситуацию (80%), что является одной из форм экономического контроля, а также то, что без их согласия тратятся деньги, отложенные на оплату аренды или каких-то других счетов (69%), что относится к категории экономической эксплуатации.

Наиболее тяжкими видами экономического насилия со стороны половых партнёров и не-партнёров являлись факты избиений в тех случаях, когда женщина планировала пойти на работу (45.5%) или факты угроз, с помощью которых женщин заставляли бросить работу (41%) (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Распространённость экономического насилия с разбивкой по видам насилия среди женщин-ЛУИН в Кыргызстане (n=55)

Вид экономического насилия	Половой партнёр (%)	Не-партнёр / кто-то другой (%)	Партнёр и/или кто-то другой (кумулятивный показатель)
Не вовремя оплачивает счета или не оплачивает вовсе	61.8	52.7	65.45
Тратит деньги, предназначенные для оплаты аренды или других счетов	61.8	52.7	69,09
Создаёт женщинам долговые ситуации	60,0	49,1	65.45
Требуется, чтобы женщина отчитывалась о расходах	61.8	49,1	65.45
Принимает важные бюджетные решения, не посоветовавшись предварительно с женщинами-участницами	60,0	50.9	67.27
Скрывает от женщин-участниц реальную финансовую ситуацию	74.5	54.5	80,00
Вынуждает женщин выпрашивать у него деньги	67.3	50,9	72.73
Требуется, чтобы ему отдавали чеки и квитанции и/или возвращали всю сдачу	52,7	43,6	58,18
Делает так, чтобы у женщин не получалось ходить на работу	56.4	30.9	56.36
Требуется, чтобы женщины бросили работу	47,3	25,5	52,73
Угрожает, заставляя бросить работу	41.8	21,8	41.82
Бьёт женщин, когда им нужно идти на работу	43,6	23,6	45,45
Какая-либо форма экономического насилия	85,5	65,5	89,10

Распространённость гендерно-обусловленного насилия: Данные в таблице 3 демонстрируют распространённость гендерно-обусловленного насилия среди участниц. Из их общего числа, 48 (87%) сообщили о фактах словесных оскорблений, психологического, физического или сексуального насилия, а также о фактах нанесения телесных повреждений половыми партнёрами, а 37 женщин (67%) сообщили о таких фактах, совершённых не партнёрами, а кем-то другим. В число виновников насилия входили сотрудники правоохранительных органов, члены семьи, наркобарыги, сутенёры и платные клиенты (эта разбивка в таблице отсутствует). Всего 52 женщины (95%) сообщили о фактах словесных оскорблений, психологического, физического или сексуального насилия, а также о фактах нанесения телесных повреждений «когда-либо». Если делать разбивку видов насилия по категориям, мы увидим, что наиболее часто встречаются словесные оскорбления (76%), физическое (80%) и сексуальное насилие (75%) (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Уровень насилия, пережитого «когда-либо», с разбивкой по категориям среди женщин-ЛУИН в Кыргызстане (n=55)

Вид насилия	Насилие со стороны полового партнёра (%)	Насилие со стороны не-партнёра / кого-то другого (%)	Кумулятивный показатель гендерного насилия
Словесные оскорбления	40 (72.73%)	27 (49.09%)	42 (76.36%)
Тяжкий физический вред	36 (65.45%)	13 (23.64%)	
Нанесение телесных повреждений	24 (43.64%)	8 (14.55%)	26 (47.27%)
Сексуальное насилие в тяжёлой форме	31 (56.36%)	10 (18.18%)	33 (60%)
Тяжкое психологическое насилие	25 (45.45%)	10 (18.18%)	28 (50.91%)
Любое физическое насилие, совершённое когда-либо	43 (78.18%)	22 (40%)	44 (80%)
Любое сексуальное насилие	39 (70.91%)	22 (40%)	41 (74.55%)
Любое психологическое насилие	26 (47.27%)	10 (18.18)	29 (52.73%)
Любое насилие	48 (87.27%)	37 (67.27%)	52 (94.55%)

Взаимосвязь между экономическим насилием и иными формами гендерного насилия

Корреляционный анализ показывает существенную прямую зависимость между психологическим насилием со стороны половых партнёров и экономическим контролем с их стороны ($r = .35, p < .01$), а

также между нанесением половыми партнёрами телесных повреждений, экономическим контролем ($r = .32, p < .05$) и экономическим саботажем ($r = .28, p < .05$) (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Корреляционный анализ взаимосвязи между экономическим насилием и психологическим, сексуальным, физическим и телесными повреждениями со стороны половых партнёров среди женщин-ЛУИН в Кыргызстане ($n=55$)

	Экономическая эксплуатация	Экономический контроль	Экономический саботаж	Любое экономическое насилие
Психологическое насилие	.2527	.3519**	.2615+	.2874*
Сексуальное насилие	-.0327	.0094	.0151	-.0372
Физическое насилие	.0719	.0934	-.0333	.0318
Нанесение телесных повреждений	.2095	.3197*	.2841*	.2590 +

+ $p < .1$; * $p < .05$; ** $p < .01$.

Анализ также выявил высокую зависимость между психологическим насилием со стороны не-партнёров и практикуемым саботажем трудоустройства ($r = .45, p < .001$). При этом физическое насилие со стороны не-партнёров было связано с экономической эксплуатацией ($r = .34, p < .05$) и экономическим контролем ($r = .36, p < .01$) с их стороны (см. Таблицу 5).

Таблица 5. Корреляционный анализ взаимосвязи между экономическим насилием и психологическим, сексуальным, физическим и телесными повреждениями со стороны не-партнёров среди женщин-ЛУИН в Кыргызстане ($n=55$)

	Экономическая эксплуатация со стороны не-партнёров	Экономический контроль со стороны не-партнёров	Экономический саботаж со стороны не-партнёров	Любое экономическое насилие со стороны не-партнёров
Психологическое насилие	.1296	.1925	.4506***	.1442
Сексуальное насилие	.0449	.0606	-.0468	-.0312
Физическое насилие	.3442*	.3636**	.3434	.2810*
Нанесение телесных повреждений	.0510	.0211	.2425+	-.0256

+ $p < .1$; * $p < .05$; ** $p < .01$.

Обсуждение результатов

Если сравнивать показатели, полученные в рамках этого исследования, с теми, которые были получены в рамках других проектов, описывались другими авторами и относятся к общим группам населения (35%, Garica- Moreno et al., 2013) и группам женщин, употребляющим наркотики (приблизительно 50%; Schneider, Burnette, Ilgen, & Timko, 2009; Testa, Livingston, & Leonard, 2003), мы увидим, что наши показатели экономического насилия и гендерного насилия вообще выше тех, что упоминаются в указанных источниках. Как было отмечено выше, 89% наших участниц пережили как минимум один эпизод экономического насилия какого-либо вида, и 95% участниц сообщили о том, что они пережили как минимум один эпизод словесного, психологического, сексуального, физического насилия или нанесения телесных повреждений когда-либо со стороны половых партнёров или других людей. Эти данные говорят о том, что необходимо проводить регулярные и более масштабные опросы для изучения насилия в отношении женщин, в особенности женщин-ЛУИН. Необходимы глубинные исследования, которые дадут возможность лучше понять то, в каком контексте случается экономическое насилие, какую роль играют возможные виновники насилия, и другие важные аспекты.

Исследования, направленные на решение проблемы гендерного насилия в регионе, очень малочисленны, но даже в тех редких работах, информация о которых доступна, редко затрагиваются вопросы экономического насилия или насилия со стороны не-партнёров (Moldosheva, 2008; National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2012). Тот факт, что сбор данных о гендерном насилии проводится нерегулярно, сильно ограничивает возможности тех, кто хотел бы разрабатывать программы и политики, направленные на профилактику гендерного насилия среди уязвимых социальных групп.

Хотя у нас не было возможности более точно установить виновников экономического насилия, которые не были половыми партнёрами участниц, полученные данные показывают, что среди тех, кто совершает

словесное, психологическое, сексуальное, физическое насилие или наносит телесные повреждения, наиболее часто упоминаются сотрудники правоохранительных органов, члены семьи, наркобарыги, сутенеры и платные клиенты, то есть те люди, которые являются составной частью социального круга, в котором вращаются женщины-ЛУИН. Имело бы смысл провести качественные исследования в отношении виновников экономического насилия и тех аспектов, которые касаются применяемых ими практик экономического контроля, саботажа и эксплуатации.

Исследуя взаимосвязь между экономическим насилием и социо-демографическими характеристиками участниц, мы обнаружили, что более молодые из них реже отмечают экономическое насилие со стороны половых партнёров, и это соответствует статистическим данным по Кыргызстану, согласно которым пик домашнего насилия в отношении женщин приходится на возрастной отрезок 30-39 лет. В то же время в литературе можно найти данные о том, что чем женщина моложе, тем более она уязвима в плане домашнего насилия (Capaldi, Knoble, Shortt, & Kim, 2012). Это можно объяснить тем, что в Кыргызстане среди представительниц более молодого поколения уровень восприятия насилия ниже (National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic (NSC), Ministry of Health [Kyrgyz Republic], and ICF International, 2013).

Мы отметили также взаимосвязь между экономическим насилием и наличием детей – те из наших участниц, у кого не было детей, реже отмечали факт экономического насилия со стороны половых партнёров. Женщинам, у которых есть дети, сложнее разорвать отношения из-за целого ряда связанных с этим финансовых и экономических аспектов (Fawole, 2008; Sanders, 2015). Неудивительно, что была обнаружена взаимосвязь между потреблением наркотиков и экономическим насилием со стороны не-партнёров. Эти данные, а также низкий уровень образования участниц-ЛУИН и высокий уровень безработицы среди них, говорят о их уязвимости и о необходимости разработки программ по повышению экономического потенциала этой группы.

Взросшие экономические возможности не только позволят разорвать отношения с партнёром-насильником, но и снизят уязвимость, связанную с ВИЧ, что является насущной проблемой в регионе, особенно актуальной для наркопотребителей (European Centre for Disease Prevention and Control & World Health Organization, 2014). Механизмы влияния низкого экономического потенциала на риски, связанные с ВИЧ, объясняются, в частности, тем, что у таких женщин ограничены возможности поддержки со стороны ближайшего окружения, и тем, что они не всегда в состоянии обсуждать и практиковать безопасные сексуальные отношения (Capaldi et al., 2012; Fawole, 2008; Sanders, 2015). В регионе имеет смысл реализовать масштабное вмешательство, объединяющее вопросы повышения экономического потенциала и снижения рисков, связанных с ВИЧ, сфокусировав его на людях, переживших домашнее насилие, и других социально уязвимых группах (Kim et al., 2009; Postmus, Hetling, & Hoge, 2015; Postmus, Plummer, McMahon, & Zurlo, 2013; Sherman, German, Cheng, Marks, & Bailey-Kloche, 2006).

В статье д-ра Луизы Гилберт и её коллег (2015), опубликованной недавно, подчёркивается, что в мире в целом и особенно в Центральной Азии практически отсутствуют программы вмешательств, направленные на профилактику гендерного насилия среди женщин-ЛУИН, и этот пробел необходимо ликвидировать.

Дополнительный анализ показал взаимосвязь между психологическим насилием со стороны половых партнёров и практиками экономического контроля, а также между физическим и психологическим насилием со стороны не-партнёров и практикуемой ими экономической эксплуатацией и саботажем, связанным с трудоустройством наших участниц. Работы на эту тему, опубликованные ранее в США, Филиппинах и в Австралии, хоть они касаются других регионов и не относятся конкретно к группе женщин-ЛУИН, семейным парам или не-партнёрам, подтверждают эти данные, что говорит об устойчивой взаимосвязи между экономическим насилием и другими формами насилия со стороны половых партнёров, в том числе физическим, психологическим и эмоциональным (Antai et al., 2014; Kutin et al., 2017; Postmus, Plummer, et al., 2012; Stylianou et al., 2013).

Обобщая эти данные, можно сказать, что насильники используют очень широкий и разнообразный арсенал методов и практик, позволяющих им контролировать свою жертву (Antai et al., 2014), причём это относится и к не-партнёрам. Эти данные ещё раз говорят о том, насколько важно интегрировать компоненты по повышению экономического потенциала в программы по профилактике гендерного насилия и насилия со стороны половых партнёров, чтобы ещё эффективнее помочь женщинам-ЛУИН, которые гораздо более уязвимы в плане насилия, совершить которое в отношении них может широкий круг лиц.

В нашей статье есть слабые места. Например, она основывается на кросс-секционном анализе данных, а это сильно ограничивает возможности выявления причинно-следственных связей. Вторым слабым местом является то, что данные были собраны в рамках пилотного проекта, участницы в который приглашались не совсем рандомизированно, и этот факт влияет на возможности дальнейшей генерализации и обобщения полученных результатов. Сравнительно небольшая выборка не дала нам

возможности провести более полный анализ и проследить возможные различия, варианты смешивания и ковариативности. Необходимы более масштабные исследования, чтобы изучить все аспекты экономического насилия в отношении женщин-ЛУИН и проследить дополнительную взаимосвязь между экономическим насилием и другими формами гендерного насилия. Также важны исследования, позволяющие лучше понять влияние экономического насилия на психическое и общее здоровье.

Раскрытие потенциального конфликта интересов

Никто из авторов не заявил о наличии конфликта интересов.

Слова благодарности

Мы благодарим всех женщин, у которых нашлось время и возможности принять участие в этом исследовании. Мы выражаем признательность сотрудникам Фонда «Астерия», Фонда «Подруга» и Фонда GLORI, работающим в проекте «Крылья надежды», благодаря которым это исследование стало возможным.

Финансирование

Это исследование спонсировалось Фондом «Открытое общество». Д-р Дживатрам-Негрон благодарна за ту поддержку, которая ей была оказана в Центре исследований и тренингов имени Вивьен и Джеймса Кертис при Школе социальной работы Университета Мичигана.

Использованные источники:

- Adams, A. E., Sullivan, C. M., Bybee, D., & Greeson, M. R. (2008). Development of the scale of economic abuse. *Violence Against Women, 14*(5), 563–588. doi:10.1177/1077801208315529
- Antai, D., Antai, J., & Anthony, D. S. (2014). The relationship between socio-economic inequalities, intimate partner violence and economic abuse: A national study of women in the Philippines. *Global Public Health, 9*(7), 808–826. doi:10.1080/17441692.2014.917195
- Antai, D., Oke, A., Braithwaite, P., & Lopez, G. B. (2014, 2014). The effect of economic, physical, and psychological abuse on mental health: A population-based study of women in the Philippines. *International Journal of Family Medicine, [Article 852317]*. doi:10.1155/2014/852317
- Bush, K., Kivlahan, D. R., McDonnell, M. B., Fihn, S. D., & Bradley, K. A. (1998). The AUDIT alcohol consumption questions (AUDIT-C): An effective brief screening test for problem drinking. *Ambulatory care quality improvement project (ACQUIP). Alcohol use disorders identification test. Archives of Internal Medicine, 158*(16), 1789–1795. doi:10.1001/archinte.158.16.1789
- Cafferky, B. M., Mendez, M., Anderson, J. R., & Stith, S. M. (2016). Substance use and intimate partner violence: A meta-analytic review. *Psychology of Violence, Advance online publication*. doi:10.1037/vio0000074
- Campbell, J. C. (2002). Health consequences of intimate partner violence. *The Lancet, 359*(9314), 1331–1336. doi:10.1016/s0140-6736(02)08336-8
- Capaldi, D. M., Knoble, N. B., Shortt, J. W., & Kim, H. K. (2012). A systematic review of risk factors for intimate partner violence. *Partner Abuse, 3*(2), 231–280. doi:10.1891/1946-6560.3.2.231
- Centers for Disease Control and Prevention. (2014). Understanding intimate partner violence: Fact sheet. Retrieved from <https://www.cdc.gov/violenceprevention/pdf/ipv-factsheet.pdf>
- Cottler, L. B., O'Leary, C. C., Nickel, K. B., Reingle, J. M., & Isom, D. (2014). Breaking the blue wall of silence: Risk factors for experiencing police sexual misconduct among female offenders. *American Journal of Public Health, 104*(2), 338–344. doi:10.2105/AJPH.2013.301513
- Devries, K. M., Child, J. C., Bacchus, L. J., Mak, J., Falder, G., Graham, K., . . . Heise, L. (2014). Intimate partner violence victimization and alcohol consumption in women: A systematic review and meta-analysis. *Addiction, 109*(3), 379–391. doi:10.1111/add.12393
- Dunkle, K. L., & Decker, M. R. (2013). Gender-based violence and HIV: Reviewing the evidence for links and causal pathways in the general population and high-risk groups. *American Journal of Reproductive Immunology, 69*(Suppl 1), 20–26. doi:10.1111/aji.12039
- El-Bassel, N., Gilbert, L., Witte, S., Wu, E., & Chang, M. (2011). Intimate partner violence and HIV among drug-involved women: Contexts linking these two epidemic—Challenges and implications for prevention and treatment. *Substance Use & Misuse, 46*(2–3), 295–306. doi:10.3109/10826084.2011.523296
- European Centre for Disease Prevention and Control, & World Health Organization. (2010). *Global burden of disease 2010*. Geneva: World Health Organization.
- Kim, J., Ferrari, G., Abramsky, T., Watts, C., Hargreaves, J., Morison, L., . . . Pronyk, P. (2009). Assessing the incremental effects of combining economic and health interventions: The IMAGE study in South Africa. *Bulletin of the World Health Organization, 87*(11), 824–832. doi:10.2471/blt.08.056580
- Kutin, J., Russell, R., & Reid, M. (2017). Economic abuse between intimate partners in Australia: Prevalence, health status, disability and financial stress. *Australian and New Zealand Journal of Public Health, 41*(3), 269–274. doi:10.1111/1753-6405.12651
- Mathers, B. M., Degenhardt, L., Phillips, B., Wiessing, L., Hickman, M., Strathdee, S. A., . . . Mattick, R. P. (2008). Global epidemiology of injecting drug use and HIV among people who inject drugs: A systematic review. *The Lancet, 372*(9651), 1733–1745. doi:10.1016/s0140-6736(08)61311-2
- Meyer, J. P., Springer, S. A., & Altice, F. L. (2011). Substance abuse, violence, and HIV in women: A literature review of the syndemic. *Journal of Women's Health (Larchmt), 20*(7), 991–1006. doi:10.1089/jwh.2010.2328
- Moldosheva, A. (2008). Violence against women in Kyrgyzstan: Baseline assessment. Bishkek, Kyrgyzstan: UNFPA. Retrieved from http://www.un.org/womenwatch/ianwge/taskforces/vaw/kyrgyzstan_baseline_assessment.pdf
- National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic (NSC), Ministry of Health [Kyrgyz Republic], and ICF International. (2013). *Kyrgyz republic demographic and health survey 2012*. Bishkek, Kyrgyz Republic, and Calverton, Maryland, USA: NSC, MOH, and ICF International. <https://dhsprogram.com/pubs/pdf/FR283/FR283.pdf>.
- Office for National Statistics (2016). *March 2015 Crime Survey for England and Wales (CSEW). Compendium: Intimate Partner Violence and Partner Abuse*. Retrieved from: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/compendium/focusonviolentcrimeandsexualoffences/yearendingmarch2015/chapter4intimatepersonalviolenceandpartnerabuse>
- Postmus, J. L., Hetling, A., & Hoge, G. L. (2015). Evaluating a financial education curriculum as an intervention to improve financial behaviors and financial well-being of survivors of domestic violence: Results from a longitudinal randomized controlled study. *Journal of Consumer Affairs, 49*(1), 250–266. doi:10.1111/joca.12057
- Postmus, J. L., Huang, -C.-C., & Mathisen-Stylianou, A. (2012). The impact of physical and economic abuse on maternal mental health and parenting. *Children and Youth Services Review, 34*(9), 1922–1928. doi:10.1016/j.childyouth.2012.06.005
- Postmus, J. L., Plummer, S. B., McMahon, S., Murshid, N. S., & Kim,

- Organization. (2014). Surveillance Report. HIV/AIDS surveillance in Europe: ECDC & WHO. Retrieved from <https://ecdc.europa.eu/sites/portal/files/media/en/publications/Publications/hiv-aids-surveillancein-Europe-2014.pdf>
- Fawole, O. I. (2008). Economic violence to women and girls: Is it receiving the necessary attention? *Trauma, Violence, & Abuse*, 9(3), 167–177. doi:10.1177/1524838008319255
- Feingold, A., Kerr, D. C., & Capaldi, D. M. (2008). Associations of substance use problems with intimate partner violence for at-risk men in long-term relationships. *Journal of Family Psychology*, 22(3), 429–438. doi:10.1037/0893-3200.22.3.429
- García-Moreno, C., Jansen, H. A. F. M., Ellsberg, M., Heise, L., & Watts, C. H. (2006). Prevalence of intimate partner violence: Findings from the WHO multi-country study on women's health and domestic violence. *The Lancet*, 368(9543), 1260–1269. doi:10.1016/s0140-6736(06)69523-8
- García-Moreno, C., Pallitto, C., Devries, K., Stöckl, H., Watts, C., & Abrahams, N. (2013). Global and regional estimates of violence against women: Prevalence and health effects of intimate partner violence and non-partner sexual violence. Geneva, Switzerland: WHO Press.
- Gilbert, L., Jiwatram-Negron, T., Nikitin, D., Rychkova, O., McCrimmon, T., Ermolaeva, I., . . . & Hunt, T. (2017). Feasibility and preliminary effects of a screening, brief intervention and referral to treatment model to address gender-based violence among women who use drugs in Kyrgyzstan: Project WINGS (Women Initiating New Goals of Safety). *Drug and alcohol review*, 36(1), 125–133.
- Gilbert, L., Raj, A., Hien, D., Stockman, J. K., Terlikbayeva, A., & Wyatt, G. E. (2015). Targeting the SAVA (Substance Abuse, Violence, and AIDS) syndemic among women and girls: A global review of epidemiology and integrated interventions. *Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes* (1999), 69(0 2), S118–127. doi:10.1097/QAI.0000000000000626
- Illangasekare, S., Burke, J., Chander, G., & Gielen, A. (2013). The syndemic effects of intimate partner violence, HIV/AIDS, and substance abuse on depression among low-income urban women. *Journal of Urban Health*, 90(5), 934–947. doi:10.1007/s11524-013-9797-8
- Illangasekare, S. L., Burke, J. G., McDonnell, K. A., & Gielen, A. C. (2013). The impact of intimate partner violence, substance use, and HIV on depressive symptoms among abused low-income urban women. *Journal of Interpersonal Violence*, 28(14), 2831–2848. doi:10.1177/0886260513488682
- Jolley, E., Rhodes, T., Platt, L., Hope, V., Latypov, A., Donoghoe, M., & Wilson, D. (2012). HIV among people who inject drugs in central and Eastern Europe and Central Asia: A systematic review with implications for policy. *BMJ Open*, 2(5), e001465. doi:10.1136/bmjopen-2012-001465
- M.S. (2012). Understanding economic abuse in the lives of survivors. *Journal of Interpersonal Violence*, 27(3), 411–430. doi:10.1177/0886260511421669
- Postmus, J. L., Plummer, S.-B., McMahon, S., & Zurlo, K. A. (2013). Financial literacy: Building economic empowerment with survivors of violence. *Journal of Family and Economic Issues*, 34(3), 275–284. doi:10.1007/s10834-012-9330-3
- Postmus, J. L., Plummer, S. B., & Stylianou, A. M. (2016). Measuring economic abuse in the lives of survivors: Revising the scale of economic abuse. *Violence Against Women*, 22(6), 692–703. doi:10.1177/1077801215610012
- JOURNAL OF SUBSTANCE USE
- Sanders, C. K. (2015). Economic abuse in the lives of women abused by an intimate partner: A qualitative study. *Violence Against Women*, 21(1), 3–29. doi:10.1177/1077801214564167
- Schneider, R., Burnette, M. L., Ilgen, M. A., & Timko, C. (2009). Prevalence and correlates of intimate partner violence victimization among men and women entering substance use disorder treatment. *Violence and Victims*, 24(6), 744–756. doi:10.1891/0886-6708.24.6.744
- Sherman, S. G., German, D., Cheng, Y., Marks, M., & Bailey-Kloche, M. (2006). The evaluation of the JEWEL project: An innovative economic enhancement and HIV prevention intervention study targeting drug using women involved in prostitution. *AIDS Care*, 18(1), 1–11. doi:10.1080/09540120500101625
- Straus, M. A., Hamby, S. L., Boney-McCoy, S., & Sugarman, D. B. (1996). The revised conflict tactics scales (CTS2) development and preliminary psychometric data. *Journal of Family Issues*, 17(3), 283–316. doi:10.1177/019251396017003001
- Stylianou, A. M., Postmus, J. L., & McMahon, S. (2013). Measuring abusive behaviors: Is economic abuse a unique form of abuse? *Journal of Interpersonal Violence*, 28(16), 3186–3204. doi:10.1177/0886260513496904
- Testa, M., Livingston, J. A., & Leonard, K. E. (2003). Women's substance use and experiences of intimate partner violence: A longitudinal investigation among a community sample. *Addictive Behaviors*, 28(9), 1649–1664. doi:10.1016/j.addbeh.2003.08.040
- UNAIDS. (2016). 2016 Prevention Gap Report. Retrieved from <http://www.unaids.org/en/resources/documents/2016/prevention-gap>
- Voth Schrag, R. J. (2015). Economic abuse and later material hardship: Is depression a mediator? *Affilia*, 30(3), 341–351. doi:10.1177/0886109914541118